

Белоусова Юлия Владимировна

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЗА

В гносеологическом дискурсе образ рассматривается через систему взаимодействия субъекта и объекта, в отличие от натуралистической схемы феноменология говорит об опыте сознания вне субъект-объектной оппозиции, образ конструируется в сознании индивида и передается в intersubjective поле. В статье рассматриваются семиотические аспекты выражения образа. Важнейший гносеологический аспект образа – это взаимодействие Я и Другого и их коммуникация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.3/134.2

Философские науки

В гносеологическом дискурсе образ рассматривается через систему взаимодействия субъекта и объекта, в отличие от натуралистической схемы феноменология говорит об опыте сознания вне субъект-объектной оппозиции, образ конструируется в сознании индивида и передается в интерсубъективное поле. В статье рассматриваются семиотические аспекты выражения образа. Важнейший гносеологический аспект образа – это взаимодействие Я и Другого и их коммуникация.

Ключевые слова и фразы: образ; коммуникация; знак; сознание; субъект; Другой; индивид; интерсубъективность; коды.

Белоусова Юлия Владимировна*Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург**julia_belousova@bk.ru***ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЗА[©]**

В разных философских дискурсах образ трактуется по-разному. Теория отражения говорит об объективно данном мире и субъективно несамостоятельном сознании индивида, который отражает реальность через образы. С точки зрения феноменологии, образ является конструктом сознания, который также конструируется в интерсубъективном поле. Также образ подлежит рассмотрению с точки зрения гносеологии.

В гносеологическом дискурсе образ характеризуется через систему взаимодействия субъекта и объекта. В натуралистической схеме – налицо субъект-объектная оппозиция восприятия, субъект отражает в собственном сознании «объективную реальность как тень понимания», как пишет петербургский исследователь О. А. Штайн [5]; феноменология же позволяет говорить об опыте сознания вне субъект-объектной парадигмы. Познание индивидом окружающей реальности и самого себя связано с процессом конструирования образов. Образы Других и внешнего мира являются преданными сознания Я, которое конструирует мир и Других, «являющихся имманентной трансценденцией» [Там же]. Субъект в дискурсе феноменологии является «атомоподобной монадой». Он конституирует окружающую их реальность через опыт переживания. Монады субъектов объединяют свой опыт в интерсубъективном поле через представление (образ), конструируемый в сознании Я и передаваемый другому.

Образ в гносеологическом дискурсе также связан с семиотическо-языковыми средствами выражения – от визуальных знаков до условных знаков, символов. Ю. М. Лотман [2], разработавший концепцию семиосферы, утверждает, что в едином механизме коммуникации обязательны как словесные, так и изобразительные связи, и рассматривает их как два различно устроенных канала передачи информации. Петербургский исследователь замечает, что в рамках как индивидуального, так и коллективного сознания скрыты два типа генераторов текстов, между которыми происходит постоянный обмен сообщениями и текстами. Один из генераторов текстов основан на механизме дискретности, другой же континуален. Ю. М. Лотман указывает, что в коммуникации задействовано все, связанное с визуальным представлением, а именно мимика, жест, внешность, даже одежда, тип лица. Эта информация, по мнению исследователя, дешифруется с помощью различных видов зрительной и кинетической семиотики.

Более того, система человеческой коммуникации, по Ю. М. Лотману, может осуществляться двумя путями. Один из этих способов связан с некоей заданной наперед информацией, которая передается от одного индивида к другому с константным кодом, другой же способ сопряжен с возрастанием информации и введением не новых сообщений, а новых кодов. Последний из способов относится к автокоммуникации. Роль подобных кодов, указывает исследователь, могут играть формальные структуры разнообразного типа, например, «пространственные объекты типа узоров или архитектурных ансамблей, предназначенные для созерцания» [Там же, с. 83], т.е. визуальные образы.

Исследователь разделяет два типа текстов, подчеркивая их принципиально различное устройство, а именно дискретный и континуальный тексты, и считает, что во втором случае текст не дискретен, не состоит из знаков и не распадается на них, а сам представляет собой знак или «изоморфен знаку»; по утверждению М. Ю. Лотмана, такой текст «опознается целостным недифференцированным знанием» [Там же, с. 38]; при этом недискретно-континуальный текст соотносится с мифологическим, циклическим временем, с дописьменным сознанием, текст же дискретный – с линейным, осевым временем.

В этом смысле «двуязычным феноменом» является, по утверждению М. Ю. Лотмана, кинематограф – «движущаяся фотография + письменный словесный текст = немое кино; движущаяся фотография + звучащая словесная речь = звуковое кино; (...) существует третий язык – музыка» [Там же, с. 40], при этом в сознании воспринимающего этот феномен функционирует как одноязычный, будучи в этом отношении однотипен театральной драматургии, однако «партитура фильма – сценарий – фиксирует в первую очередь поступки,

события, жесты, т.е. язык зримо воспринимаемых образов», и исследователи изучают в кино именно зримые, визуальные элементы языка. При сопоставлении языка повествования кинематографа со словесными нарративными структурами становится очевидным их глубокое различие «в таких коренных принципах организации, как условность/иконичность, дискретность/континуальность, линейность/пространственность, которые полностью исключают возможность однозначного перевода», – подчеркивает исследователь [Там же].

К категории визуальных образов в системе коммуникации относится также символ, который отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, но сам не является иконическим. М. Ю. Лотман указывает, что различие между иконическими знаками и символами может быть проиллюстрировано антитезой иконы и картины. В картине, утверждает исследователь, воспринимающему стремятся внушить веру в полное подобие, хотя проективность плана выражения на план содержания не является полной, тогда как в иконе (как и в символе вообще) «выражение указывает на содержание в такой же мере, в какой изображает его. Отсюда известная конвенциональность символического знака» [Там же, с. 199], так что он является посредником между разными сферами семиозиса.

М. Ю. Лотман также уделяет внимание другому феномену сознания и гносеологическому аспекту образа, когда говорит о познании внешней культуры через интериоризацию ее образа внутрь своего мира («внутренний образ внешней культуры»), подчеркивая, что данный образ утрачивает определенные аспекты копируемого объекта. Характерным примером является создание образа Пушкина в сознании читателей [Там же, с. 117], которое необходимо для освоения нового явления в литературе; М. Ю. Лотман пишет, что интериоризованный образ Пушкина, инкорпорированный во внутренний мир читательского сознания, впоследствии стал самостоятельным фактом литературы и занял место между Пушкиным как реальным явлением литературы и сознанием читателя, одновременно и «переводя» мир Пушкина, и упрощая его. Исследователь отмечает, что данный «двойник» Пушкина (конструкт в сознании читателей) влиял на поведение и творчество реального поэта, порой заставляя его вести себя «как Пушкин». Подчеркивается двойственная роль интериоризованного образа, от которого требуется, чтобы он одновременно оставался чужим и не был чужим. М. Ю. Лотман указывает, что, «нуждаясь в партнере, культура постоянно **создает собственными усилиями** (выделено мной – Ю. Б.) этого «чужого», носителя другого сознания», и этот образ экстериоризируется культурой вовне; с другой стороны, культура интериоризирует образ Другого [Там же].

Взаимодействие Я и Другого и их коммуникация – важнейший гносеологический аспект образа. Через образ Другого – конструкт в моем сознании – Я познаю его и взаимодействую с ним. «В моем «живом настоящем» Я пытается проникнуть в «живое настоящее» Другого, что возможно только в процессе представления», – пишет О. А. Штайн [5].

Гносеологический аспект образа также можно рассмотреть на примере образа в массмедиа, которые являются средством формирования в сознании Другого того или иного представления.

Рассматривая медийный образ, важно отметить два аспекта. Прежде всего, следует заострить внимание на кризисе репрезентации, то есть разрыве между реальным объектом и изображением. Продолжая мысль Лотмана об интериоризации Другого в пространстве культуры, можно отметить, что образ Другого носит характер конструкта с чертами симулякра.

Как известно, симулякр – это псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности, принципиально не соотносимый с реальностью напрямую. Фундаментальным свойством симулякра является то, что это знак, максимально эмансипированный от референта. Прежде чем стать симулякром, образ проходит ряд последовательных стадий (процесс симуляции): на смену отражения глубинной реальности приходит ее деформация, далее – маскировка ее отсутствия и, наконец, происходит утрата связи с реальностью, замена смысла – анаграммой, реального мира – условными знаками, исчезает различие между реальным и воображаемым. В результате формируется гиперреальность – особый мир не соотносимых с реальностью моделей и симулякров [1].

Концепция симулякра напрямую связана с гносеологией и эпистемологией, ведь отвлеченные модели, соотносить которые с реальностью становится затруднительно, часто занимают место реальных объектов не только в культуре и медиа, но и в науке.

Медийный образ (конструируемый массмедиа) – это образ «второй реальности», о которой говорит Н. Луман, полагающий, что вторая реальность постигается как нечто независимо существующее, но на самом деле является просто конструкцией, порожденной массмедиа. Луман считает, что когнитивные системы не в состоянии различить условия существования и познания своих объектов, они не имеют доступа к иной реальности, кроме той, какую сами конструируют [3]. Это и есть вторая реальность массмедиа, где образ – это не отражение реального объекта, а конструкт, произведенный этой реальностью, пустой знак, не имеющий референта.

Реальность трансформировалась в гиперреальность, медиареальность и т.д., «мир действительности» предстает в ней как мир симулякра, заменившего собой референта из области «реальности». Симулякры – образы гиперреальности или медиареальности, «пустые знаки» [4].

Таким образом, гносеологический аспект образа реализуется на разных уровнях: семиотический уровень (недискретно-континуальный текст, иконическая система знаков, символы), образ Другого как конструкт сознания Я, взаимодействие и коммуникация Я и Другого в intersubъективном поле через визуальное представление; создание медийных образов.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
4. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М., 2012.
5. Штайн О. А. Представление как визуальный аспект социальной коммуникации [Электронный ресурс] // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-kak-vizualnyy-aspekt-sotsialnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 11.07.2013).

GNOSEOLOGICAL ASPECT OF IMAGE

Belousova Yuliya Vladimirovna

*Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg
julia_belousova@bk.ru*

Image is considered through the system of subject and object interaction in gnoseological discourse; phenomenology tells about the experience of consciousness out of subject-object opposition in contrast to naturalistic scheme; image is constructed in the individual's consciousness and is transferred to intersubjective field. The semiotic aspects of image expression are considered in the article. The most important gnoseological aspect of image is the interaction of Ego and Other and their communication.

Key words and phrases: image; communication; sign; consciousness; subject; Other; individual; intersubjectiveness; codes.

УДК 1(091)+811.211

Философские науки

В статье автор рассматривает проблемы, возникающие при переводе буддийской философской терминологии. Автор подвергает критике ряд переводческих шаблонов, а именно замену санскритских терминов на европейские философские термины, неизбежно искажающую суть буддийских философских воззрений, приводящую к возникновению «параллельных» текстов вместо адекватных переводов. Автор настаивает на необходимости сохранения при переводе в тексте всей основной философской санскритской лексики, истолковываемой при этом по возможности многовариантным образом.

Ключевые слова и фразы: перевод; термин; санскритская терминология; буддийская философия; буддология; текст; истолкование.

Бережной Сергей Борисович, к. филос. н., доцент*Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Снежинске
borejnoi@mail.ru***О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ
САНСКРИТСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ[©]**

Классик отечественной и мировой буддологии Ф. И. Щербатской о трудностях перевода санскритских научных текстов высказался таким образом: «Перевод санскритских научных сочинений дело весьма трудное и новое. Сочинения эти написаны особым стилем, имеющим мало общего со стилем поэтической и повествовательной литературы. Они, кроме того, оснащены особыми техническими терминами, значение которых не всегда легко угадать» [11, с. 56]. Эти слова были написаны в начале XX века, но они актуальны и поныне. Причём Ф. И. Щербатской подбирает точное и честное слово, характеризующее сам метод истолкования санскритских терминов, – это слово «угадать»! Европейская буддология, таким образом, по ясно выраженному признанию своего классика, имеет дело с *угадыванием* как с методом перевода терминологии санскритских научных текстов. Когда же предметом исследования становятся именно философские произведения, трудности ещё более возрастают, так как, согласно Ф. И. Щербатскому, «переводчику то и дело приходится сталкиваться со словами, ему хорошо известными, употреблёнными для обозначения каких-то понятий, которые, очевидно, не имеют ничего общего с обыкновенным значением слова» [Там же, с. 57]. И это, безусловно, так. Но я не могу согласиться с тем способом, с помощью которого Ф. И. Щербатской пытается разрешать все трудности в своей переводческой деятельности. Он декларирует определённый познавательный-истолковательный принцип, заимствованный им из тех требований, которые В. Соловьёв предъявлял к собственным переводам творений Платона. Этот принцип Ф. И. Щербатской попытался применить при переводе сочинения Дхармакирти «Nyūyabindu», переводимого им как «Учебник логики», с толкованием на него Дхармоторы [11]: «Мы... старались по мере возможности проникнуть в мысль автора